Рассказ партизана

В начале 1920 года закончились в нашем районе боевые действия партизан. Вместе с ними прошел славный путь борьбы и Николай Яковлевич Абачин — человек огромного мужества и стойкости. Сейчас он на пенсии, живет в Южно-Енисейске.

Передо мной убеленный сединой человек. Глубоко запавшие глаза. Сеточка морщин покрывает оживленное лицо.

— Николай Яковлевич, — прошу я, — расскажите, как вы партизанили в наших краях.

—Да чего рассказывать! Ну, партизанил, что тут особенного?

И он опять, уже в который раз, с недоверием косится на мою толстую тетрадь. Наконец, я уговариваю его...

После революции прошел слух, что в тайгу прибыли большевики и требуют передачи власти Советам.

Я в это время работал на прииске Аяхта, который принадлежал золотопромышленнику Соколовскому. Зима была лютая: пурга замела дорогу. К нам большевики не приехали, но в центре земскую власть сместили, драги и рудники конфисковали.

Специалистам предложили работать. Они отказались и с мелкими добытчиками золота пошли против новых порядков.

Устанавливать Советскую власть в Сибири было тяжело. Зверем смотрели богатеи на большевиков, готовились к схватке, послали нарочного за белыми.

Отряд белых явился во главе с Вальковым, человеком, готовым собственными руками вырвать сердца у большевиков. Прежде всего белые заставили заведующего Годоловским приском В. Д. Симаранова передать дела Степанскому. Симаранова арестовали и увезли. Новый начальник выгнал многих драгеров и машинистов за то, что они работали на красных.

В ноябре вспыхнули восстания в Маклаково, Енисейске и Тасеево. Перед Новым годом белогвардейцы объявили военное положение, начали отбирать у всех ружья. Один рабочий проболтался, что у него есть граната, которую он взорвет в Новый год. Рабочего арестовали и посадили в тюрьму.

Белые думали, что рабочие не осмелятся больше идти против отряда.

На прииске Сократовском в то время жил ярый враг Советской власти Кочнев, которого решили тоже арестовать. Арест хотели произвести без перестрелки, но ничего не вышло. Кочнев заперся в квартире и стал стрелять из окон. Повстанцы не стали подвергать себя опасности и переводить заряды, которых и без того было очень мало. Они подожгли амбар, стоявший недалеко от дома. Амбар сгорел, но дом остался невредимым. Наступила ночь, а вместе с ней тревожное ожидание. Утром выяснилось, что Кочнев сбежал на лыжах на прииск Степановский.

В это время на приисках контрреволюционеры собирали собрания, на которых призывали население к войне против большевиков. Однако рабочие на это не соглашались. На одном из таких собраний, проходившем на Годоловском прииске, я выступил и сказал: «Нам нет никакой надобности воевать против большевиков».

Через три дня получил известие, что меня хотят передать на расправу карательному отряду. Бежать было нельзя, так как отец

(Окончание на 4-ой стр.)

Рассказ партизана

(Оконч. Нач. на 3 стр.).

и сестры могли расплатиться за побег. Вместе со мной арестовали: слесаря Елизаветинского прииска Морозова, который тоже отказался воевать против большевиков, Голубкову, посланную партизанами для разведки, и Голубева, сочувствовавшего большевикам.

Вокруг Степановского прииска белые во главе с Вальковым вырыли окопы. Они ждали красных, но не дождались. Тогда контрреволюционеры двинулись в сборный пункт партизан, находившийся на ключах (заимке недалеко от Шаргана).

Утром они ликовали: вернулись и привели с собой избитого партизана Михайлова. После допроса его втолкнули к арестованным. Когда Михайлов пришел в сознание, он рассказал, что белые на Оборотическом прииске зашли в первый попавшийся дом. Михайлов подобрался к окну и бросил гранату. Но она не взорвалась. Врагам удалось схватить его.

Под арестом меня продержали больше месяца, но по настоянию рабочих отпустили. К этому времени в партизанском отряде образовалось несколько рот. Я находился на Александро-Ивановской драге (ныне драга № 3), куда партизаны каждый день приносили на ремонт ружья.

Наступила весна. О белых ничего не было слышно. Рабочие стали подумывать о спокойной жизни. Но враги внезапно появились на Крестовоздвиженском прииске. Партизаны отчаянно сопротивлялись, но силы были неравные и им пришлось отступить.

Вскоре пошел слух о приближении партизан. Я поехал их разыскивать и попал в лапы Валькова. Арестованных белые выстроили в колонну и погнали впереди подвод протаптывать дорогу.

Люди брели по ослепительно белому снегу, еле переставляя ноги. С огромным трудом удалось дотащиться до первого зимовья. Отсюда Станкевичу, Пуго, Пьянкову, Славинскому, Орешкину и мне удалось уйти. Остальных белогвардейцы утопили в Енисее.

Литературная запись

Н. ЛЕВГОВОЙ.